

— Ты снова выдумываешь?

— Я и сам не знаю, — ответил Шао Цзяньюй. — Может, она внезапно осознала, что ты красивый и милый, а ей до тебя как до луны.

— Ты опять сочиняешь?

— Ничего я не сочиняю. Это искренний комплимент моему Омеге, ты действительно красивый и милый.

— ... — Линь Эрцзя слегка покраснел. — Ладно-ладно, пойдем есть жареные пельмени.

В шестнадцать-семнадцать лет юный Линь Эрцзя часто покупал для Шао Цзяньюй пельмени у ворот Первой средней школы города Нин. У того ларька торговля шла бойко, каждый день выстраивалась огромная очередь. Как только звенел звонок с последнего урока, он срывался с места и стремглав мчался из класса — только с такой скоростью удавалось хоть как-то занять место поближе.

Добежав, он, словно преподнося драгоценный дар, бежал в класс к Шао Цзяньюй, чтобы успеть отдать пельмени, пока те не остыли. Но тот не особо ценил старания: не отрываясь от математической задачи и даже не подняв глаз, бросал:

— Я уже поел.

— Оу... Ну ладно. — Линь Эрцзя вытирал пот, выступивший на лбу от быстрого бега, и, чувствуя, как тяжело вздымается от одышки грудь, старался придать голосу легкость, чтобы скрыть разочарование. — Тогда придется самому доедать.

Он уже собирался уйти, но Шао Цзяньюй, не поднимая головы, постучал ручкой по пустой парте рядом с собой:

— Садись здесь.

— Ого, правда?! — Линь Эрцзя просиял, тут же зацокал каблуками, подбежал, с грохотом отодвинул стул и сел рядом с возлюбленным. На душе стало так сладко, что даже голод куда-то пропал.

Вспоминая эти сцены из прошлого, Линь Эрцзя всякий раз ловил себя на мысли, что Шао Цзяньюй — человек крайне противоречивый. Вроде бы не любит его, но в таких мелочах всегда давал повод надеяться, что не так уж тот ему и противен. Давал маленькую надежду за надеждой. Если уж решил так жестоко оборвать всё в конце, зачем было так себя вести?

Линь Эрцзя, погруженный в воспоминания, сидел у барной стойки и рассеянно тыкал вилкой в жареный пельмень. Переодевшийся Шао Цзяньюй подошел к нему, оперся о стойку напротив и, наклонившись, открыл рот:

— Покорми меня.

Старые обиды нахлынули на Линь Эрцзя, ему ужасно захотелось ткнуть вилкой в лицо наглецу. Он скривился:

— Ты же говорил, что не хочешь их есть.

Шао Цзяньюй подался вперед еще немного:

— Всего один.

— ... — Линь Эрцзя, не в силах сопротивляться, подцепил пельмень и с силой запихнул ему в рот. — Подавись.

Спустя несколько дней новая манга Линь Эрцзя успешно стартовала, работа и новая жизнь вошли в привычное русло, а состояние здоровья стабилизировалось. Наконец у него появилось время заглянуть в только что открывшийся бар Бо Тяньци, чтобы поддержать близкого друга.

В последнее время Бо Тяньци то и дело принимал звонки от Шао Цзяньюй. Каждый раз тот звонил с одной целью — разузнать что-нибудь личное о Линь Эрцзя. Бо Тяньци это казалось странным: словно Шао Цзяньюй, будучи Альфой, был с собственным Омегой едва знаком, но при этом проявлял дотошную заботу, словно боялся, что тот по неосторожности возьмет и загнется.

Бо Тяньци не понимал, что у Шао Цзяньюй на уме. Подыгрывать-то он подыгрывал, но к самому Шао Цзяньюй относился нейтрально, если не сказать предвзято. В конце концов, пять лет назад он своими глазами видел ту драму у фонтана — это было до боли в сердце жестоко. Больно было смотреть, как его упрямый, безголовый друг, словно баран, не желал сворачивать с пути, пока не расшибет лоб, а после — снова рвался в бой.

Сегодня, когда Линь Эрцзя пришел в бар, Бо Тяньци, помня, что его приятель — слабый Омега, которому не прошло и месяца после того, как на него наложили полную метку, благоразумно смешал ему безалкогольный газированный коктейль. Но Линь Эрцзя решительно отодвинул стакан.

Бо Тяньци спросил:

— Ты что, снова завязал? Не боишься больше, что после пьянки натворишь дел?

— Эх, — Линь Эрцзя покачал головой. — Сейчас уже не имеет значения, пью я или нет.

— Что?! — Бо Тяньци вытаращил глаза. — Этот зверь Шао Цзяньюй, он что, каждый день тебя... Он что, насильно принуждает Омегу? Прикидывается примерным муженьком, а сам, получается, и меня обманул!

— Нет-нет-нет, — Линь Эрцзя замахал руками, пытаясь утихомирить разошедшегося друга, и прошептал: — Если не считать того раза, когда мы выпили, то с самой свадьбы... было всего дважды. В первый раз, чтобы успокоить меня, во второй — тоже, чтобы успокоить.

— ... — Бо Тяньци молча продолжал смешивать напиток. — Что ты мне тут цитируешь классика: у дома растут две яблони, одна — яблоня, и другая — тоже яблоня?

— Да нет же... Просто мне кажется, во второй раз не было такой уж необходимости. Я не чувствовал себя плохо, мне не требовалось успокоение. Он сказал, что это для профилактики, чтобы мне не стало хуже. — Линь Эрцзя потер переносицу. — Может, я накручиваю, но мне кажется, тогда он просто хотел... хотел заняться этим со мной.

Бо Тяньци пододвинул к нему свежеприготовленный фруктовый коктейль:

— Объективно говоря, он Альфа в расцвете сил, а ты такой красивый, так что желание с его стороны вполне естественно.

Линь Эрцзя пригубил напиток:

— А если субъективно?

Бо Тяньци стиснул зубы:

— Хитроумный наглец! Похотливый мерзавец!

Линь Эрцзя усмехнулся и вдруг спросил:

— Как думаешь, есть ли шанс, что я смогу с ним развестись?

— Раньше, когда ты по телефону сказал мне, что он твой кредитор, я с трудом переварил известие о вашей свадьбе, — Бо Тяньци сел на высокий стул рядом. — А теперь ты снова хочешь развестись?

— В соглашении не прописан срок брака, если захочу уйти, смогу вернуть свободу в любой момент, — ответил Линь Эрцзя. — К тому же, я считаю, что губить себя ради всей семьи Линь — того не стоит.

— Но ведь ты его любишь?

Линь Эрцзя замер:

— Но он-то меня не любит. — Он сделал большой глоток из бокала. — Теперь-то я понял: в старшей школе он меня отверг, потому что не распробовал. А когда после женитьбы попробовал, то максимум — запал на мое лицо и тело, чтобы закрывать свои физиологические потребности.

Бо Тяньци счел этот анализ вполне разумным, возразить было нечего:

— Эрцзя, я с детства восхищаюсь твоей рассудительностью и трезвостью ума.

Линь Эрцзя хлопнул ладонью по столу:

— И скажи мне, ну разве такой человек достоин моей любви?